

АЛЕКСАНДР ГАВРИЛОВ



ЛИЧИНЫ



Александр Гаврилов

Личины

<https://litres.ru/74674153>

SelfPub; 2026

Аннотация

Семь лет герой провёл в психиатрической клинике, пытаясь убедить врачей, что видит в людях нечто нечеловеческое. После выписки он возвращается в пустой дом бабушки и старается забыть прошлое — пока случай не приводит его обратно в ту же клинику, теперь уже на работу ночным уборщиком.

Но за знакомыми стенами всё кажется неправильным: пациенты не спят, санитары ведут себя странно, а лица персонала будто скрывают нечто под собой. Герой снова замечает пугающие искажения и слышит голоса — и уже не может понять, что происходит: возвращается болезнь или он наконец видит правду

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Александр Гаврилов

Личины

Глава 1

В двадцать лет меня затащили в психиатрическую клинику. Острый психоз — так они это назвали, словно приклеили ярлык, чтобы всё стало понятным, но понятнее не стало ни на грамм. То время вспоминается как вязкий кошмар без начала и конца: минуты растягивались в часы, часы слипались в сплошную тёмную массу.

Мне мерещились голоса — не шёпот, а чёткие фразы, будто кто-то стоял прямо за плечом и говорил мне вещи, которые я не хотел слышать. А иногда лица людей вдруг искажались — на секунду, не дольше, но этого хватало, чтобы внутри всё обрывалось: глаза становились чёрными, как смола, кожа на шее повисала тяжёлыми складками, будто гравитация в этом месте работала иначе. Я метался между «это реально» и «я схожу с ума» и не мог понять, где кончается мир и начинается мой собственный кошмар. Я цеплялся за мысль, что кто-нибудь наконец услышит и поверит, но вместо этого всё глубже проваливался в тишину, которая становилась глуше, будто мир специально отворачивался, чтобы не видеть меня.

Я рассказал всё бабушке — она была моим единственным родным человеком, и в этом слове «единственный» пряталась вся моя жизнь. Отца не стало, когда мне было двенадцать: он ушёл, не оставив ни письма, ни объяснения. Мать

уехала к другому мужчине и оставила меня с бабушкой — без драмы, без слёз, только сухая необходимость, которую никто не хотел обсуждать. Но и бабушка не смогла выносить то, что я говорил. Мои слова звучали для неё как бред, который невозможно слушать, и в её глазах читалась не злоба, а усталость, будто даже попытка поверить мне отнимала у неё последние силы. Она старалась держаться: заваривала чай, говорила, что мне нужно отдохнуть, но с каждым моим рассказом её плечи опускались чуть ниже, а взгляд становился отстранённым, будто она медленно отходила всё дальше, сама того не замечая. В её молчании я чувствовал не предательство, а бессилие. От этого становилось только страшнее: если даже она не может мне поверить, значит, я действительно один на один с этим кошмаром. И в один из дней она отвела меня в психиатрическую клинику и оставила там. Этот момент застыл в памяти как резкий, холодный срез: вот я ещё с ней, вот я уже без неё.

Сколько бы я ни кричал, что вижу в толпе нечто нечеловеческое, это только делало всё хуже. Тишина после моих слов была тяжелее любого окрика. Врачи доказывали, что у меня очень редкое психическое расстройство под названием «Синдром демонического лица»: при нём люди видят близких с искажёнными, демоническими чертами — грубыми нечеловеческими лицами, странной формой глаз, вытянутыми шеями и даже жабрами на них. После каждого приёма моё пребывание продлевали ещё на год, и эти продления

падали на меня, как тяжёлые плиты, отрезая путь назад. Со временем даже я сам начал сомневаться: однажды утром я смотрел на свои трясущиеся руки и впервые подумал: а вдруг всё это только у меня в голове?

От этой мысли становилось страшнее, чем от любых видений. Когда не можешь отличить реальность от кошмара, ты теряешь последнюю опору. А процедуры тем временем не становились мягче: каждую неделю меня сажали под холодный душ ровно до той секунды, когда я переставал чувствовать пальцы. Это называли «нормализацией реакций», и слова эти звучали спокойно, буднично, почти заботливо — и оттого были ещё страшнее. В них не было ни злости, ни сочувствия, только сухая функциональность, от которой внутри всё сжималось, будто меня разбирали на части и собирали заново, но уже не тем человеком.

Спустя семь лет меня всё-таки выписали, и этот «всё-таки» звучал как уступка, будто клиника просто устала держать меня. Когда я вернулся в дом бабушки, оказалось, что она умерла год назад и оставила дом мне. В этой удаче было столько горечи, что она почти душила: единственный якорь исчез раньше, чем я успел за него ухватиться. Дом встретил меня тишиной, которая казалась не покоем, а упрёком. Пыль лежала ровным слоем, будто время здесь остановилось в тот день, когда её не стало. Я ходил по комнатам, касался старых вещей и пытался вспомнить её голос, но в голове оставались только обрывки фраз и ощущение, что я упустил что-то про-

стое, что могло бы всё исправить.

Следующие годы слились в серую череду подработок. Чаще всего я считал мелочь в кармане, чтобы хватило на хлеб и на лампу для старого радио — другого у меня не было. Треск и шипение стали почти родными, будто кто-то тихо сидел рядом и дышал в темноте; иногда среди помех чудились обрывки фраз, и я прислушивался, надеясь услышать хоть каплю смысла. По ночам меня настигали кошмары, и я просыпался в панике, сжимая край одеяла, будто оно могло удержать меня в реальности. Алкоголь стал способом ненадолго стереть эти образы, но я понимал: если продолжу так, однажды просто не проснусь. Эта мысль не пугала — звучала как приговор, к которому я привык, как к холодному осеннему утру.

А потом в один ненастный день я увидел объявление: требовался уборщик в ночную смену в ту самую клинику, где я провёл семь самых тяжёлых лет. Другой работы в городке не было, а клинику я знал наизусть — выучил её, чтобы никогда больше туда не возвращаться, а теперь она снова звала меня обратно. Врачи сразу узнали меня и осторожно спросили, как моё здоровье. В их вопросе не было злорадства — скорее настороженность людей, которые не могли ни объяснить, ни вылечить то, что со мной было. После короткого собеседования я получил должность. Зарплата была скромной, но её хватало на еду и жильё: я возвращался туда, откуда так отчаянно хотел вырваться, но теперь не как пациент, а как

человек, которому просто нужно место, где он может быть полезен хотя бы в чём-то.

Дорога от клиники до дома занимала полчаса пешком — по мокрым улицам, где тени от решёток на стенах тянулись ко мне, будто хотели утянуть обратно. Я шёл вперёд, шаг за шагом, потому что идти было больше некуда. И в этом упорном, почти бессмысленном движении было что-то, что удерживало меня на грани.

Глава 2

Первый рабочий день, а точнее — рабочая ночь, началась со странных сюрпризов, и мысли путались, как будто сами хотели спрятаться от того, что происходит. Не мог найти дежурную медсестру — ходил по коридорам, и каждый поворот казался одинаковым, будто клиника нарочно меня кружила, не давая выйти на нужный маршрут. А когда она всё же появилась, оказалось, что она не знала, где находится каморка с ведрами, швабрами и чистящими средствами. Это резануло по нервам: как можно не знать, где хранится самое необходимое? Но когда всё было найдено, я переоделся в синюю рубашку, закатал рукава, надел синие брюки на резинке и обулся в простые дешёвые туфли — и эти механические действия на секунду вернули ощущение контроля, будто если я всё сделаю правильно, по порядку, то смогу удержать реальность на месте.

Однако стоило мне покинуть каморку, как по спине пробежал холодок, острый и липкий, будто кто-то провёл ледяными пальцами вдоль позвоночника. Решил, что это обычная реакция организма на то, что я снова оказался в этом проклятом, как я считал, месте. Благо не в роли пациента. Впрочем, начав мыть мозаичный пол в чёрно-белую клетку, я по непонятной мне причине повернул голову в сторону своей бывшей палаты — и этот поворот вышел не моим,

будто шея сама решила посмотреть туда, куда я запрещал себе смотреть. Небольшое оконце, через которое охранники могли следить за поведением в палатах, было тёмное... чёрное, как смола на дне глубокого колодца, и в этой черноте не было ни отражения, ни намёка на свет — только пустота, которая смотрела на меня.

Я простоял в таком состоянии несколько минут, время будто растянулось, и каждый вдох давался тяжелее предыдущего. Потом обернулся на шорох — резко, как от удара, и снова вернул взгляд на оконце. Едва не перевернул ведро, металл звякнул, звук ударил по ушам, и я дёрнулся, словно обожжённый. На меня смотрел один из пациентов. Он смотрел, не моргая. Стало не по себе, настолько, что пересохло во рту, и язык прилип к нёбу, мешая даже сглотнуть.

Испугало и то, что пациент должен был спать. Перед сном в определённое время им выдают таблетку, которая должна была выключить меня, будто ничего не делала. Я знал об этом как никто другой, и от этого становилось не по себе — знание это давило, как тяжёлый камень на груди: если он не спит, значит, либо препарат не подействовал, либо... либо он и не должен был спать. Кружилась голова, давило в груди, мысли путались и подташнивало, и я пытался убедить себя, что это реакция организма на чрезмерное употребление чистящих веществ, что я мог банально не рассчитать хлорки или других чистящих средств и надышаться их испарениями. Но запах хлорки был резким, знакомым, привычным, а

вот этот холод внутри — нет.

И всё же пациенту за окошком удалось заставить мои нервные окончания очнуться, будто он выдернул меня из какой-то полудремы, в которой я пытался спрятаться. Но вскоре пациент попятился назад, и всё, что я увидел в последние мгновения, — это блеск его расширенных зрачков от потолочной лампы, а далее — темнота и неприятное чувство присутствия живого организма, которое не исчезало, даже когда он пропал из поля зрения. Казалось, что он всё ещё там, за стеной, и просто ждёт, когда я снова повернусь к этому окошку.

По мере продвижения к выходу я уже изрядно устал, но работу должен был закончить, чтобы заслужить доверие руководства — эта мысль крутилась в голове, как заклинание, как способ удержаться на ногах. Также беседовал с охранниками и парой санитаров, довольно худых. Я не мог вспомнить, чтобы видел этих санитаров раньше, и от этого становилось не по себе: клиника маленькая, персонал тут годами работает, а эти лица будто выскользнули из какого-то другого места, где люди выглядят иначе. Острые руки, впалые глаза, вытянутая шея и слабость — я думал, как такие щуплые санитары могут работать среди людей, которые могут быть агрессивными, как они ещё работают здесь, и эта мысль не давала покоя, будто в ней прятался какой-то важный смысл, который я никак не мог ухватить.

Но потом, беседуя с одним из них, заметил странность:

глаза и губы шевелились странным образом, словно лицо было натянуто на другое лицо, и каждое движение выходило чуть не в такт, будто мышцы не слушались хозяина. И, видимо, санитар тоже заметил что-то неладное по моему пристальному взгляду. Он отвернулся, поднёс руку к лицу и что-то пытался, как мне показалось, поправить, будто поправил невидимую застёжку или натянул кожу чуть плотнее. А потом развернулся и поспешил покинуть меня — поступок был странным, без объяснения, даже не попрощавшись. Я постарался не придавать этому значения и продолжил мыть пол, но швабра в руках казалась тяжелее, будто сама реальность стала плотнее и сопротивлялась моим движениям.

Доделав работу, я решил зайти в туалет, чтобы не покидать здание, потому что дежурная медсестра могла возмутиться, если бы я вышел покурить, и туалет подходил для этого. Осенний воздух, который тянулся через окошки в туалете, был не просто свежим — он был тяжёлым, сырым, будто пропитанным запахом старого здания и чего-то ещё, неуловимого, но неприятного, как запах затхлой воды, которая слишком долго стояла без движения. За окном шуршали мокрые листья, и этот звук смешивался с тихим гулом вентиляции, превращаясь в невнятный шёпот, будто здание само рассказывало свои секреты, и я вдруг поймал себя на мысли, что если прислушаться, можно разобрать слова, но они будут на незнакомом языке.

Покуривая сигарету, я обратил внимание на кабинку в

конце помещения, откуда доходил шёпот — не голос, а именно шёпот, похожий на невнятное бурчание, будто кто-то перекатывал слова во рту, не решаясь их произнести. Я, руководствуясь любопытством, сошёл с места и медленно начал двигаться к кабинке, стараясь не привлечь внимание, каждый шаг отдавался в груди глухим эхом, и казалось, что даже пол под ногами стал другим — более твёрдым, будто готовился меня остановить. Прозвучал звук воды, но никаких звуков больше не было. Момент застыл, и время будто замерло на этой ноте. Кабинка открылась, и вышел охранник, полный, я бы даже сказал жирный. Он остановился и посмотрел на меня, и что меня удивило сильнее всего — это его нижняя губа и подбородок: они свисали, не сильно, но это было странно и немного жутко, будто кожа потеряла упругость и теперь жила по своим законам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.